

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

«...Так исчезают
заблуждения»

ТОМ II

Владимир Леонов
«...Так исчезают
заблуждения». Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704598

ISBN 9785005161475

Аннотация

Книга содержит уже изданную публицистику («А. С. Пушкин – земной и божественный», «Я родился в России», «Души исполненный полёт» и «Презрел и трон, и плаху»). Посвящена бесконечным исканиям, взлетам и падениям Великого мирянина, вечной трагедии Человека, трагедии человеческой души, распятой между небом и землей. В Пушкине – общая человеческая история, вера, покаяние и распятие в конце пути (Черная речка как символ Голгофы).

Содержание

Глава «Одинокий поэт и общество»	5
Глава Он выполнил работу мира	23
Глава «...Как начал он писать!»	33
Глава. Он не каменел сфинксом	57
Глава «Мировоззрение солнца»	61
Глава. Он создал век	64
Глава. «Победитель или жертва!?»	67
Глава «Ты прав, мой друг, – напрасно я прозрел»	73
Глава «Моральная инструкция бытия»	80
Глава «Соберитесь иногда читать мой свиток верный...»	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**«...Так исчезают
заблуждения»
Том II**

Владимир Леонов

Дизайнер обложки Владимир Леонов

Редактор Татьяна Михайловна Пономаренко

© Владимир Леонов, 2020

© Владимир Леонов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6147-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-6060-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава «Одинокий поэт и общество»

Поэта Пушкина – человека с необычными по силе страстями – давило общество, оно толкало его, выбрасывало из себя, наконец, привело к смерти. Мысль о возможности побега из общества, из цивилизации, от семьи, от государства всю жизнь преследовала Пушкина («давно, усталый раб, замыслил я побег»). Художник предчувствовал свой безвременный конец, что общество не даст дожить ему до глубокой и спокойной старости, что оно его задушит, «приспит» как мать ребенка. Он предугадал, на самом взлете жизни, личной и поэтической – увидел дуло пистолета: «Мне страшен свет» – горечь рвалась из него, как фонтан из подземного ключа.

Пушкин размышлял, искал пути и способы бегства, но брел в жизненном лабиринте, как в темном туннеле – не видел выхода: «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет» («роковое их слияние» (доброе и недоброе) – чуть позже у Тютчева).

А может, сойти с ума? Тогда и спрос будет невелик за вольности и вольнодумства! Пушкин видит в этом один из выходов, сбросить с себя пыль раба, прикованного к «колеснице» света:

«Когда б оставили меня

*На поле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду...»*

«Да вот беда: – мыслит поэт, – сойти с ума, и страшен будешь, как «чума», и «посадят на цепь дурака», и «сквозь решетку как зверка дразнить тебя придут». Да, и это не выход.

По лермонтовскому выражению – «невольник чести» – утомленный почти военной дисциплиной высшего света, Пушкин готов был добыть волю даже ценою высшего, что он признавал в мире – разума. Невольник Приличий, понятия Чести, понятия Долга – он хотел только одного, он хотел Воли.

В отличие от Пушкина, надломленный морально, Лев Толстой все же дожил до старости, дожил в семье... но все – таки нашел силы для «ухода» от семьи, от общества, воплотив в жизнь этот пушкинский огненный мотив («...усталый раб, замыслил я побег»). И, как и Пушкин, далеко не ушел от себя – умер на полустанке.

Под свободой Пушкин подразумевает не «свободу духа», а как «свободу выбора», которую никто не может отнять у человека. Как правило, люди избегают осознавать, что они свободны, боясь лишиться привычного. Об этом строки поэта Мицкевича (своего рода горький упрек в адрес Пушкина):

*Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрую царя или вельможи.
Иль деспота воспев подкупленным пером,
Позорно предает былых друзей ласловью*

У Пушкина свобода без душевного покоя и воли мало что стоит, для него человеческое существование – это бытие, обращенное в смерть. Но этот трансцендентный феномен у него звучит трогательно успокоительно, ласкающе расслабленно (авторская сентенция) – «*Моя приятная интимная возможность*» – некий безусловно духовный и нравственного фетиш, – «Да, присутствие Смерти, страха... Чувство крайней уязвленности... Как океан боли, из которого выпрыгивает моя человеческая природа».

Образы переживаний, настроений у Пушкина импрессионистичны, магнетизируются и находятся иной раз на зыбкой грани, в маревой окрасе яви и волшебства, очень точно, впрочем, выделяя у него мистическую способность улавливать бытовые и литературные стереотипы и локализовать мельчайшие вибрации души, сюрреалистическую способность тонко воспринимать окружающий мир. Как, например, такое – «*Я вспомню речи неги страстной//Слова тоскующей любви*». Или – «*Ты рождена воспламенять//Воображение поэтов...*».

Перефразируя русского писателя А. Платонов, народ без Пушкина неполный. Трон Величины, венчанной Историей, сродни духовнику, пастырю, поэтическому пророку – он

исповедовал и принимал на себя грехи других мирян: он не стоял перед миром в исподнем и детей России учил не сдаваться!

Кто – то однажды сказал: *«Все, что достигается чересчур легко, не слишком ценится нами. Лишь то ценится нами, за что дорого заплачено. Только небесам ведома настоящая цена всего».*

То брутальный до безобразия и здесь же – ревностный надзиратель библейских ценностей, оссианский идеал служения совести и справедливости.

Приносил жертву общественному мнению, которое презирает, высказал столько наглости, столько хвастовства и буйств в своих речах и в своих сочинениях, что вынужден был в прямом смысле сжечь однажды все корабли за собой, весь шлейф дел темных, подворотных, неудобоваримых... встать на путь покаяния и евангельского смирения перед Судьбой.

Перед нами предстает и хохотун Арлекино, и хвастун Полишинель, и забияка Скоромуш. Все в меру, гармонично, как и воздается Провидцу и Мистику от Творца:

*Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;*

Пушкин выторговал у судьбы и жизни одну привилегию –

привилегия Феникса, возрождения и обновления – в доблести, в таланте, в победах, во всем, ибо новизна всегда возбуждает восхищение и желание: «...показывайся, как солнце, всякий раз в новом блеске» (библ.)

Как Гарун – ал -Рашид из сказочной «Тысячи и одной ночи» – снимал позолоченный кафтан и одевал платье простолюдина, и как французский суверен Франциск I – не брезговал привечать каликов, подавать милость нищим и ночевать в простой хижине, и как герой Бомарше – не заискивал перед сильными мира сего и не принимал от них подачек. И все это отражает в своих стихах, обвитых многомерными страстями.

Душой Мефистофеля – острый, дерзкий, горячий, испепеляющий, вмещающий в себе и ад, и рай, и само небо, и всю землю, весь род людей и весь мир... поднимающий без робости и содрогания пестрый покров познания, чтобы увидеть его глубинный смысл – тайну египетской богини Изиды.

Позволю авторский рефрен к данному надвременному персонажу:

– Сказано – сделано, таков мой девиз – (Мефистофель)

– Вы меня извините, род человеческий, за такую щепетильность, но я привык считать время на столетия. Меньший вариант времени мне не выгоден. – (Мефистофель).

Пушкин – живое и видимое воплощение доктора Фауста – дерзновенный, могучий ум, который поставил перед собой цели, «чтоб равным стать отныне божеству» —

*«Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!» —*

В. Гете (по легенде, подаривший Пушкину перо, которым было написано «Фауст»).

Позволю откровение Пушкина в своей интерпретации: *«Все дело обстоит с идеалом, а он вечен, пока живет человек. И вечно будет стремится он к своему идеалу, к познанию себя и мира, побеждая душевные скорби и муки, побеждая раздираемые его сомнения. И будут говорит про него: «В нем живет дух Фауста! Дух Пушкина! Всепобеждающий дух познания! «О, верь словам моим. Властью высшей облечено отныне мое слово!».*

Греческий мифологический Аид – обладатель волшебного шлема, делающего его невидимым, но осязаемо присутствующим в мыслях, эмоциях и настроениях.

Как-то само по себе поэтическое слово, сакральный голос Пушкина, звучащие с тех незримых рубежей, становятся частью человека, частью его сознания, частью его совести, частью счастливой и достойной жизни, не допускающей превращения личности в посредственность, ординарность, в экзистенциально трагическую фигуру, несущую в себе образ жалкого кондотьера и коллаборациониста: «Велик на малые дела»:

В презжди дни твой милый лепет

*Усмирал сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.*

Детство и юность Пушкина – это годы скитаний и лишений, сродни юным годам венецианского кондотьера Коллеони Бартоломео, ставшего впоследствии главой Венецианской республики, его гипсовая голова сегодня украшает исторический фасад Венеции.

Пробившийся на литературный Олимп России с низов, с «нуля» он в чем-то повторение доблести и подвигов итальянского кондотьера Эразмо да Нарни по прозвищу Гаттамелата («сладкоречивая кошка»), конная статуя которого украшает Падую.

«То, чего не можешь получить, всегда кажется лучше того, что имеешь. В этом и состоит и романтика и идиотизм человеческой жизни».

«Жить – значит мыслить». Эти слова Цицерона взял себе девизом Вольтером, а затем перенял и Пушкин.

В творчестве Пушкина чувствовалось нечто вулканическое, чудесное сочетание страстности и мудрости, чарующей любви к жизни и резкого осуждения ее пошлости, его трогательная нежность не боится сатирической улыбки, и весь он – чудо.

Все, что выходило из -под пера Пушкина, становилось

сияющим зерном, перлом. Он – сын гармонии. Он никогда не находился на поводке у Провидения: ни у умалишенных сановников и помешанных на интригах светского бомонда, ни у хвастливых собратьев по промыслу, ни у льстивых — князей – риторов:

*Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;*

В поэзии же Пушкин- «божественная» капелька подлунного мира, великолепное творение Божьего мира, конспект мудрости и сердца и, как ребенок, искренний и чистый, а потому природная самость проливается в нем «лукулловым пиром», потрясающим великолепием, роскошью и обворожительностью поэтического литого слога, в котором комфортно чувствуют себя и ноктюрн страданий, и сюита покаяния, и окисленный банальностью ум, и полет орлиной души; в котором крышей дома выступает свод небесный, и в его хрустальный сосуд Пушкин наливает напиток прозрений, искушений и воспоминаний своего века, больного неверием:

*Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;*

*Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.*

Накал страстей, полных душевного огня – этого пьяняще шипящего словесного изобилия, – поневоле сам читатель начинает думать образами и выражаться стихами.

Пушкина невозможно повторить, как невозможно поймать шапкой ветер или откусить зубами кусочек от весны. Это нужно принимать целиком. Или же не принимать вовсе.

Контрастный, ироничный. Сильная, ритмически выдержанная, победительная поэтическая речь, как безудержный галлопирующий клинч, на всём скаку врезающийся в постную унылую явь, ярмарку человеческого тщеславия, сбивающий её с ног и топчущий копытами своей «божественной» радости, проникновенной и трогательной.

Вновь взвинтивший накал страстей до страшного нерва и поставивший ребром проклятые вопросы принца датского: быть или не быть, любить или убить, простить и отпустить или же покорно умереть-уснуть.

Цокающее стокаatto каблучков-слов порождает нервную дрожь, такую тонкую и грустную, местами – до горечи.

Весёлый – напоказ – стоицизм и сдержанная мужественная грусть и деликатная рассудительность, признающая константу бытия – голые амбиции лучше пышных одежд уныния и богатой глупости.

Возвышенный романтизм и бездна падений – все вместе и рядом, способы поэтического оформления пороков и добродетелей современности под личным, пушкинским, биноклярным присмотром, обнимающие целые области жизни во всех ее поразительных и предельных контрастах. И, утверждающего, в отличие от мизантропа З. Фрейда и иудейских заклинателей, что задача сделать человека счастливым все – таки входила в план сотворения мира.

В таком блистательном поэтическом пафосе Пушкина нет места черно – магическим неврастеническим ритуалам, сластолюбию умалишенного, индюшиного хвостовста и отсутствует напрочь некий конспирологический комплот. Его душа представляет собой поле битвы, где непреодолимая тяга к языческой обнаженности, нескромной нагоде вещей купируется евангельским целомудрием. На таком распятом ристалище протуберанец его мистической, колдовской воли купажирует карамелку Солнца в радугу с разноцветными камнями и каждый обращенный им адепт видит в ней свой камень – индивидуальный проект под названием «Ты».

В том проекте клокочет буйный призыв Пушкинак «слабым детям рода человеческого» сбросить с себя ярмо корысти, обузу тщеславия, вырваться из аркана зла и обид: *«Ведь все равно в тот мир предстанешь неимущим»* (О. Хайям); с толком истратить наличность – вашу жизнь, чтобы радость свою не потушить и горю вас не сокрушить: *...ибо в черную глину превращает людей небесный свод (он же):* ваша

жизнь должна быть слаще славы и прекрасней молитвы ханжей: «*Счастье редко снисходит до того, чтобы стать ступенькой жизни*»: и не в постах и молитвах, бабских заговорах и приворотях вы ищите спасенья, а в любви, возбуждая очень основательную зависть: «*Словно птица небесного рая – любовь*» (О. Хайям); пусть другие строят себе хрупкие жилища из глины, а вы должны жить в замке, и ваша задача – добыть для него камни: столько стоишь, сколько сделал, действуйте без промедления и избавитесь от страха.

Вот она такая – простая религия Пушкина. Зевсова религия красоты. Для пушкинской религии нет необходимости в храмах; нет необходимости в сложной философии: в его позитивной религии наш собственный мозг и наше собственное сердце являются нашим храмом; а философия – это доброта и любовь, самые непревзойденные моральные компенсаторы. Именно так- на меньшее поэт не согласен, а большее у него – как раз исчерпано данной оценочной шкалой.

Возвышается глыбой на идеологическом и поэтическом небосклоне России – уделе императора, властелине и держателе метаисторического и надвременного, надтленного чертежа под названием» **Я и Жизнь -вместе мы сила!**». Планктон окаменевший, реликтовая сомнамбулла, дремлющая под толщей массы инертной – это не о нем и не про него. Свободный черт ему дороже повязанного ангела, он – по пути с теми, кто не превращает мечту в пытку, жизнь

в святость, не мыслит о насилии судьбы – не воет, не ноет и не скорбит – и исторгает из жизни чудо и загадку (авторское суждение):

«Я знаю, легко простонать, что ты разбит, легко сказать, что ты проиграл, и сдать. Но я приучил себя сопротивляться всем невзгодам, смело идти вперед навстречу и горю и радости. Никогда не сдаваться. Безнадежно, но драться. Все, что нас не убивает, нас укрепляет. Проиграть, но не потерять честь и совесть и не пасть духом. Не отказываться от мечты, не предавать ее, и не оставлять надежду начинать все заново... Отступать не просто „еще рано“, а „всегда рано“... Не отступать и не сдаваться. Никогда и никому...».

Его не влекли богатство «копий царя Соломона», редкие вина из папского подвала, а на биологическом уровне ненавидящий род человеческий бог Молох для него как упырь – гадкий и отвратительный. Однажды, в мистическом водопаде ситуаций, его взяли под покровительство и с тех пор повели по земной юдоли два божества Седиземноморья – египетский бог мудрости и владыка всех чар Тот и греческий бог Гермес, знаток и хранитель всех путей и исканий. Пушкина увлекали пергаменты Библии, Троя Гомера и образ загадочной рабыни Фрины, подарившей миру дивное очарование Афродитой.

Сильный печник в своей творческой топке, приличный пласт русской не табуированной словесности, неистовый строитель самой красивой «Вавилонской башни» – яркой

жизни своей мечты, авторское соображение: «Я живу честно, густо и смело. Делаю то, что просит душа. Не потакаю слабостям и не оспариваю глупца. В любви и дружбе иду до конца. Разрешаю себе полной рукой то, что не обижает и не оскорбляет других. Не сожалею. Не Раскаиваюсь. Не Обвиняю... Помню, что умный всегда уступает, как в той притче о двух мудрецах...»

Творчество Пушкина всеми своими корнями оттуда, из времён классических од и предельного философского поэтического сосредоточения. При этом, запечатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измерение нас, современных людей.

Неуловимая и тонкая лирика, похожая на аромат дорогих духов и дорогих напитков. Очередная попытка поймать ускользающее, остановить мгновение. Непередаваемо взволновал момент, когда я «вдруг почувствовал кончиками пальцев всю красоту мира». Пушкин будто изящно закольцевал стихию времени, создав эффект неожиданного ослепления— не визуальное, тактильное восприятие окружающего.

Он из тех поэтов, кто очень органично, без жеманства и надуманных поисков выразил себя в творчестве. И от этого его художественный почерк – прост и прекрасен. В очень нормированной структуре стиха, в чеканности рифм и словоформ он умудрился найти синтаксическую гибкость и придать правильное ритмическое тяготение.

Пушкин словно задает нам вопрос со своей потаенной ли-

рической деликатностью: *«Ты веришь в чудо? – Нет. – Это ты зря... В себя нужно верить...!»*

И дает свой «божественный» совет: Не забывай благодарить Бога. Он же не забывает будить тебя по утрам... Куда бы ты ни шел, иди со всей душой.

Мир простых строк и сложных чувств. И рядом «призрак философии» – страсть и любовь как божественный заместитель вечности, душевный мелодичный камертон и в то же время – абсолют, константа человеческого бытия. Непомеренная тяга к Звездам и Небу, когда на пьедестал личной гордости возводятся высокие чувства, духовный и нравственный поиск и обретение смысла и свободы

Пушкин – многолик и многомерен, автор со своей душевной обнаженностью и «божественной» откровенностью, той горячей смесью колдовских настоев, обжигающих самые потаенные уголки человеческой души.

Удивительно ласкающие слова для любви и молитвы, подкупающие своей прямоотой, искренностью и невинностью. Такой удивительный антропоцентризм Пушкина, которого остро не хватает современной культуре, запутавшейся в своих экзистенциалистских рефлексиях и мнимых святостях. Он высоким октановым числом вводит в поэтический реестр «божественное начало» – систему библейских нравственных ценностей. И приходят на ум слова Блеза Паскаля: *«Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть и достаточно мрака для тех, кто не хочет»...*

Сама органика мира и органика стиха связаны у него в единое целое – мысли у него рождаются стихийно, сами по себе, что создает эффект чарующей обольстительности: «Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его Величия».

Паутинка» индивидуальной гармонии, конкретная крупинка творческого бытия Пушкина, где не обновка и польстительные речи, а талант имеет вес.

Ему присущи импрессионистическое своеволие, смелая артистическая прихоть; образы его порой смелы и динамичны, а сравнения – экспрессивны:

*Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг*

Поэт не признает полуправду или приятную имитацию правды, этот усыпляющий наркотик, этот успокаивающий туман действительности:

«Боже, и это он про нас?» – спросит кто – то. «Да», – кивнет устало Боже».

Поэт Пушкин – это Ахилл и Ясон, Адам и Иов, Соломон и Христос, Данте и Леонардо. Но все цельно и органично подчинено одной тайне – Судьбе и Пути Человека. Его бесконечным исканиям, взлетам и падениям, за которыми уга-

дывается одно великое стремление.

Подчинено – вечной трагедии Человека, трагедии человеческой души, распятой между небом и землей. Блужданиям во тьме в поисках света. Мелеагр, чья жизнь зависит от горящего полена.

Здесь и общая человеческая история, и воспоминания автора, и вопросы веры, покаяния и молитвы за человека. И превращение жизни в «даму» своего сердца. И архаичные желания – держаться за все хорошее.

Это гимн величию Человека и это все – **Пушкин.**

Его произведения не лишены поэтической барельефности и готической монументальности. Пушкину было не только важно в череде стихотворных сочинений создать целое, структурно и содержательно синкретичное, слитное, но и, последовательно, поступательно поднимаясь по ступенкам литературной Вселенной, выстроив свою картину сущего, доказать, аргументировать, что она имеет право на существование.

Внутри поэтических рассуждений поэт создал систему смысловых оппозиций, эмоциональных ассоциаций, выстраивал семантические ряды, развивая их и смыслово, и интонационно. Из-за этого в лексических оборотах одновременно живут гармонично, по законам поэтического времени, несколько философских и христианских мыслительных пластов, плавно и логически дополняющих и обогащающих друг друга:

*Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На царградских воротах.*

Для Пушкина сила человека в прощении, в полете духа, а не в том, чтобы найти вину и неправоту или создать свод возмездия Немезиды, под которым нередко агонизирует душа, словно Зевс, придавленный стоглавым Пифоном. Он знает, что важнее веры нет ничего. И его убедительность впечатляет, он словно силой Ахиллеса вбивает в душу корпус надежных, устойчивых моральных перлов – выступая своего рода пантократором солнечных мироощущений.

Его стихи гибкие, эластичные, в меру нарративны, но при этом насыщены образностью, создающей пульсирующую чувствительность, как полет цветной бабочки по весне. А главное, что в строках живёт «Божественное предназначение» и осеняет их подлинной, не заёмной силой. И всё это, повторяюсь, в рамках чудодейственной эстетики русского классицизма, ставшего авангардом поэтического таланта Александра Сергеевича. И пусть Пушкин – поэт проявляется во множестве личин, но ходит он только в одном облике –

в категорически ригоритской позиции Достоевского, утверждавшего, что ничего не стоят наши познания, если они причина слезинки ребенка:

*Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?*

Глава Он выполнил работу мира

Пушкин – мастерски создает многофоновые, многокаскадные и многофигурные композиции, органически заключает свои произведения в оконные и более широкие, дверные проемы пространства и времени. Он так тонко и ювелирно отточено составляет свои поэтические конструкции, что архитектура слов и словосочетаний приобретает осязаемое явление, становится для читателя вдруг самостоятельной душой, жизнью, смыслом, сущностью – видимым рисунком, в котором играют яркие краски:

*Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.*

Читаешь стихи Пушкина и словно заново видишь и «пришвинский закат» с розовеющим небом, и белый цвет старомодной акации, и мелкое топтание голубей, и самую что ни есть обычную лужу с истрепанным листом и оброненным фантиком.

К этому узаконим авторский взгляд, перспективный концепт на Пушкина – природа одарила его редкостным генетическим кодом с крепким стержнем в душе, и он не оста-

ется в должниках – встал, удержал, устоял за Россию свою, создав национальный душевный поэтический мир, как сильный продукт психической деятельности:

*Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.*

В нем поэт, помимо воли, увековечивает свою личность со всеми своими особыми качествами, со всей динамикой своего сознания и своей совести, с исходящим от нее немеркнущим светом для других, душа и чувства которых влекутся к нему, как к магниту, с неудержимой силой. Как будто грехи чужие он искупает!

Перед нами встает полный образ того, «...кто уже не страшится более смутиться перед людьми» (Достоевский), потому что человечество любит творящих достойное и редкое.

Как глубоко открывается в строчках течение его дум и глубина его чувствований! И ты вдруг начинаешь ясно сознавать себя добрым спутником на душевной улице человека, обозначившего свой нравственный культ пронзительной метафорой «Друг человечества», с замиранием влюбленного сердца перелистывая страницы книг, как будто смотришь в освещенное окно.

И радоваться, как удаче, что был в этом качестве «доброего спутника» замечен, отмечен, привечен в стихах, отмечен как гражданин России: «*И примирен с отечеством моим*». Той силой, которая дает тебе устоять и на которой держится твоя жизнь.

Реализм красоты, рожденной отчасти в природе, отчасти в мечтах и воображении Пушкина, очаровывающий гармоничным соединением человека с окружающей его природой, расстилающимся ландшафтом, окаймленном мягкими лирическими описаниями гор и долин, течением малых и больших рек среди цветущей зелени, лесистых взгорьев под синющим сводом небес, вносит в душу читателя покой и умиротворенность и одновременно повергает в страх и смятение любого самоназванного поэта.

Пушкин не придумывает ничего искусственно, «*за советом к гадалкам не спешит*», его поэтические образы и сюжеты рождены не бабскими причитаниями и приворотами, а жизненным наблюдением и потому особенно убедительны и необычайно одухотворены и естественны.

И пишет он не только о том, что узнал, а выражает стремление понять что – то еще непознанное, через художественное слово материализовать, вплоть до тактильного ощущения, нечто невидимое и ускользающее в повседневных заботах и тревогах. Любовь к природе и людям живая и искренняя, а не вымученная; не музейная, не академически застывшая, не «*нанятая совестью*» (по Достоевскому), он, гово-

ря словами Д. Вазари «...к благородной человечности своей натуры присоединил в качестве прекраснейшего украшения изящную приветливость в обращении со всеми людьми и во всяких родах делах».

Возникает ощущение, что пишутся тропари на голубом небосводе, потому что ты начинаешь как будто возвышаться над землей и как будто парить в чистом прозрачном воздухе. И, проснувшись поутру, твердишь себе: «*Слава Богу, ты жив, а значит, быть добру*».

Пунктуальное фиксирование, точнее, почти «зеркальное» следованием за жизнью России, до бесконечности углубляющий и дополняющий богатство впечатлений от самого поэтического образа.

И напрашивается у автора книги: «Хрустальный купол небо, наполненный прозрачной голубизной, был призрачно ясен, неподвижен. Предчувствие холодов смотрелось на его гладких отбеленных поверхностях»:

А у Пушкина звучит:

*Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!*

Поэт равной мере реален и фантастичен, познал грех и святое, ценитель собственного мнения, свободы и достоинства, считающий все чины и отличия в искусстве вредны-

ми, невозможно забыть ничего из написанного Пушкиным, даже подстрочного, даже ненужного.

Поэт есть прежде всего психолог, он не изображает нам быт с насыщенностью вещами, суетой, тревогами, но только душу человеческую и мысль человеческую с их тайнами и явными стихиями и неуловимыми переходами, преемственностью, увлекает нас потоком ума и высотой душевного строя.

И с этой точки зрения, каждая поэтическая новелла Пушкина, как завершающее произведение, как надежда понять: «... *кто мы и откуда, // Когда от всех тех лет // Остались пересуды, // А нас на свете нет?*» – (17-е стихотворение Юрия Живаго); ведает о ликах древних богов в детальных перечислениях, что он и сам будто среди них, важных, обнаруживающих достоинства и таких ароматных, понятных и доступных, что хочется говорить с ними, трогать... В портретах поэтических Пушкин изображает действительность и породы человеческие как ваятель вековечного:

*Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.*

Поэзия в образе Паллады – текст в вооружении Духа, обладающий искупительным действием, покровительствующий Искателям своих дорог и своей судьбы. Хранитель куль-

турного шифра, кода Руси в мистических и реальных лабиринтах космоса (по легенде, палладий упал в Троию из космоса). Устремленный к русскому человеку, к его «движущейся душе» (определение Пушкина), в жертвенном служении России. В огненном настроении помнить все, все собрать по крохам. Все, что единство Родины есть: былины, языки, колокола, лики святых и потехи скоморохов.

Как палладий хранится в Риме в храме Весты (перевезенный потомками Энея из Трои), так и поэзия Пушкина бережет «ларец русской души» в героях эпического культурного пространства Родины, которые служат ей не на показ, а так, чтоб свободой и волей дышали люди и которых хоть на части руби, но Россию они не разлюбят

Можно безоговорочно сравнить стихи Пушкина с лоцией, подробной картой позитивного мышления и настроения, духовным талисманом для тех, кто носит в своем маленьком сердце собственное величие. Сила его художественного слова – самостоятельная субстанция, сплав динамики и диалектики, мудрости и простоты, биение сердца старшего Диониса, похищенного Палладией (иначе – Афиной) не *«Глядится пустяком, опавшим лепестком под каблуками танца...»* (в понимании В. Маяковского), а ведет туда, откуда можно увидит чеховское *«небо в алмазах»*.

Поэт отдает частицу души и себя, отделяя тень, страхи и сомнения от мыслей и духа. Говоря словами У. Шекспира, он *«Смуту преодолевает противоборством»* и авторским

дополнением – энергичными и с искренней историей сюжетами, заквашенными на древней эволюционной неолитической фигуре: *«Кому не ведомы дороги тому судьба и крыльев не дает»*.

Пушкин вдохновенно шел выбранной по уму и совести дорогой, совершенствуя при этом данные Творцом свойства таланта – живость, искренность, пленительную гармонию и ярусность композиционных построений.

Поэт не *«оправдывает себя по слабости души»*, сторонится трутней, ибо они создают пустыню и называют это морем. Не слушает лицедеев – затопчут и похоронят. Избегает тех, кто цинизм и подлость возвел в практику, а лень и праздность – в льстивое искусство. Как в приведенной фразе: *«Русский народ... Это не народ, а историческое проклятие человечества»* – И. С. Шмелёв.

Была в истории такая концепция свободы, в которой счастье человека оценивалось материальным успехом: *«Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); ...рабство посреди образованности и свободы... алчность и зависть... робость и подобострастие... талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой... (Пушкин о нравах Американских Штатов... и так близко и понятно нам!)»*

Но она есть и сегодня, и с каждым днём охватывает всё новых людей, которые смотрят на материальное, земное благополучие как эквивалент счастья и благородной жизни: *«Запутавшись давно, // В поисках удачи заплутали».*

И всё-таки каждый раз жизнь убеждает нас в том, что, поистине богатым и, как следствие, счастливым можно смело назвать только того человека, кто богат присутствием Любви и Доброты в душе, сердце, поступках!

Самым же несчастным на земле становится тот, кто превращается в раба земной жизни, зависящим полностью от наличия денег в кошельке, дорогой машины и шикарного особняка. Иными словами, такую личность можно назвать противоположным слову богатый – убогий: *«Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного – научиться жить на земле как люди».* – Б. Шоу.

Философский и крепительный, сильный и духовный корпус Пушкина, к которому можно отнести призыв Пауэло Коэльо: «Если у тебя не хватает смелости, чтобы сказать – Прощай, жизнь наградить тебя новым Привет».

Пушкин всю жизнь и мечтал, и стремился и делал, чтобы не быть рабом этой серой жизни, этой постоянной нужды, этих горьких мыслей и этих устаревших привычек, делающих людей, по образному выражению баснописца Пильпая *«иступленными... бросающими камнями в небеса»:*

*Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;*

Возникает невольно ассоциация, живущая параллельно душевному складу Пушкина, со строками другого поэта, Н. Заболоцкого, но роднит эти самостоятельные и самодостаточные субстанции единое понимание всей эсхалотичности, первоначальности нашего бытия: *«Не позволяй душе лениться!//Чтоб в ступе воду не толочь,//Душа обязана трудиться//И день и ночь, и день и ночь!...//Не разрешай ей спать в постели//При свете утренней звезды,//Держи лентяйку в черном теле//И не снимай с нее узды!»* – Н. Заболоцкий.

А наказ А. С. Пушкина о том, что русский поэт не должен быть *«несчастьем невских берегов»*, чтобы *«В Элизию улетает ...легкая душа»*, который подхватил О. Мандельштам: *«Я не хочу средь юношей тепличных. Разменивать последний грош души, ...//Я в мир вхожу – и люди хороши»*. («Стансы», Мандельштам).

Он приучил себя при любых обстоятельствах держаться прямо, биться до конца и не показывать слабости, не стоят перед миром в преисподнем: *«Все, что нас не убивает, нас укрепляет»* (Ветхий Завет. Екклесиаст).

И учил свою душу и нашу *«жить по -человечьи»*, что радоваться неудачам – это гораздо веселее и надежнее, чем раз-

дражаться и опускать руки. Абсолютно!

Глава «...Как начал он писать!»

Четыре потока, вектора русского мира, русской души: вера, язык, территория, государство.

Ее венец, Акрополь – русское слово, как «Лестница Иакова» в поднебесное бессмертие: «вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней...» – Библия.

Батюшков, прочитав элегию Пушкина «Редет облаков летучая гряда», взволнованно смял лист бумаги с текстом и эмоционально сочно воскликнул: «Злодей! Как он начал писать!»

У Пушкина отвлеченное морализаторство, словесная эквилибристика и словесная алгебра в «другах не ходят», в его стихах напрочь отсутствуют низовые стилистики: мертвые слова, путанные мысли и туманные иносказания.

Наоборот, все конкретно и точно, авторская беспощадность к себе как один из признаков профессионализма, когда идеологический априоризм не доминирует над интеллектуальным, прямодушным и искренним поэтическим делом и господствует поэтическая доминанта- слова «парят по воздуху», создавая эффект покрытия «*косточки разума воздушной чувствительной оболочкой*»: все выверено архитектурной живой духа и чувственного накала, художественный мир прописан текстологически богато, насыщен содер-

жательными схолиями, расцвечен колоритными сравнениями, сопоставлениями и образами:

*Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,*

В поэзии Пушкина нет «насмешливости, презрения к жизни», только – жизнелюбие духа, правота и точность того исторического проекта, который однажды мастеровой от Бога кратко и емко обозначил пронзительной метафорой: «...Числюсь по России».

И ты понимаешь – стихи Пушкина сродни твоей душе, а она, как известно, напоминает ландыш, растущий в землях свободных, а не на пашнях заезжанных, засеянных и побежденных. И – возникает состояние, когда художественно-философский мир Пушкина плодотворно и спасительно входит в твой духовный микрокосм, определяя линии его движения и роста

О таких звездных мечтателях и бунтарях, спешивших к мечте со скоростью космического протуберанца, исстари отражено в качестве концепта человеческого существования: «Идущих в жизни много, нашедших трудно найти». – (Библ.), о силе оных собирательно некогда было сказано: «крепость без слабых мест», о качестве характера которых

писал неистовый сын России М. Лермонтов: «Я был готов на смерть и муку//И целый мир на битву звать», а древний Китай говорил: «Когда в душе человека свет, он красив. Когда человек красив, в его доме царит гармония»:

*И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —*

Поэт книжник, а не одного стиха. Поэт сгусток, не обна-руживающий в своих сочинениях плебейских лепетов о Рос-сии как о носительнице «роковой Каиновой печати» и мучи-тельных либеральных аналогий и вслипов.

Заполняющий экзистенциальные пустоты и эсхалотич-ные истерики века: сильное, музыкально выдержанное, все-охватное русское слово, и при том – проникновенное, трога-тельно и задушевное, обжигающее магией искренности, за-печатлевающее глубокое эмоциональное и духовное измере-ние современника. Он не просто говорил о истине, о позна-нии. Он переживал ее как личность, став по существу «ду-ховным измерителем времени»

В стихах отсутствуют нотки «барского владычества», лож-ной самоуверенности, тщеславия и интеллектуального хам-ства. Наоборот, наполняемость самыми драгоценным бисе-ром – Искренность. Доброта. Красота. Ассоциативная сцеп-ка с меморандумом И. Гете: «Кумир моей жизни – реаль-ность»

Как волшебник и чародей, Пушкин легко накидывает тонкую душевную сеть, подобную золотой накидке Гефеста, на текущую жизнь и исторические события, возрождая их в прелестных лирических формах, близких к идеальному стандарту поэзии – безусловной реальности, обнаруживая перекличку и с Гераклитом, называвшим жизнь «*дитем солнца*», с Платоном и Гомером, для которых жизнь была игрушкой в руках богов, и с фольклорной традиции, представлявшей жизнь в виде «пестрого мячика детей, играющих на лугу».

Стихи Пушкина – это ларец размышлений и переживаний, психология во внешнем мире, вещах, психологический катализатор, при помощи которого глубоко спрятанная душа поэта, облеченная в пластическую поэтическую форму, способна рассказать о себе, разрешить противоречия, утвердить неразделимость мира и человека:

*Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.*

Они сродни клубку катящейся сказки: мотивы очарования отсылают читателя к образу Цирцеи или одной из дочерей Миноса с солнечного Крита, убаюкивающих сознание, погружающее его в состояние комфортного и гармоничного инобытия, внутреннего сладостно томящегося покоя, свя-

того и очищающего, когда растворяются наши случайные мелькания и наши неумелости – всегда о чем – то жалеть... всегда что – то обвинять... всегда кого – то упрекать...:

Поэт дарит человеку на пиру его бытия чашу с напитком богов – «небесной амврозией», «живой водой», очищающей рассудок от примесей и шлаков – «не хочу, надоело, устал...». Стихи напоминают один из атомов, одну из молекул нашей органики, непрерывно создающих очаровательный многоуровневый тип бытия, ту таинственную комбинацию духа и действительности, в которой заключается весь смысл человеческого существования, кратко, но содержательно выраженного У. Шекспиром: *«Коль мы готовы Духом – все готово»* («Генрих V»).

А в поэтике Пушкина этот смысл прорывается как игра космических сил, восхождение сознания и души по ступеням все повышающей реальности, всевозрастающего осмысления путей конкретно личностной и общечеловеческой судьбы: *«Наша жизнь – это то, во что ее превращают наши мысли»* – М. Аврелий (философ и император Рима по совместительству).

Композиционные особенности поэзии Пушкина близки к анатомической точности. Тонкие узоры поэтических контуров и линий выполнены превосходно, без растерзанности на клочковатости. Образы и сюжеты размещены внутри лирического каркаса стройно и соразмерно, исполнены мягко, задушевно, с явной художественной заманчивостью, с боль-

шим чувственным подъёмом: эмоциональные, яркие, ассоциативные:

*И дале мы пошли – и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.
Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»*

Единая сквозная компиляция, один прекрасный пассаж чувств и духа, объединенных связанным замыслом, а внутри этих частей Пушкин создает выразительные, обладающие своей особой красотой, притягательностью и динамичностью индивидуальные сцены, сюжеты и характеры.

Просто и незатейливо, словно неторопливый восход Светила, разворачивается каждое стихотворение поэта, с вкраплениями ритмических пауз, многослойных интонаций, с обилием параллелей и сравнений, внутренним перезвоном начала и конца – все это и есть полноценность и исключительность пушкинской поэзии:

*Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клубуком,
Как он втокнул Монаха грешным в стадо.*

Стихи Пушкина разумные и ясные, они подают свежую мысль в ум читателя, рождают новые знания в памяти и мир в сердце. Их приятно читать и слушать. Они – бытие времени.

Приведу мнение Сократа (о Гераклите): *«То, что я понял, превосходно. Думаю, что таково же и то, что я не понял»*. С полноценным правом автор книги относит данное высказывание и к поэту Пушкину!

Его стихи увеличивают октановое число чудесного в душе. Писал М. Лермонтов: *«...моя душа, я помню, // С детских лет чудесного искала»*

Говорят о том, что ты пришел в этот мир, чтобы совершить *«Подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры»*. – (Ливий Тит. «История Рима от основания Города»). И о том, что ты не овца, терпеливо ожидающая бича пастуха, живущая в неволе, или под флейту Панурга бездумно покидающая кров, чтобы погибнуть в пучине...

Призывают – откажись ходить в овечьей отаре, стоять в хлеву и быть мясом для бойни. Откажись слушать стоны и жалобы.

Утверждают – выбор только за тобой, чтобы земная жизнь была как «амброзия», напиток бессмертных богов и была названа: *«Прекрасное и яркое создание»*:

*Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.*

*Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!*

Да, что выбор у тебя есть всегда, история тому услужливо подбрасывает наглядные примеры: или ты – Агамемнон, который силами всей Греции, всех племен и всех армий за 10 лет взял один город (Трою), или ты – Эпаминонд, который силами одного города (Фивы) в один день, одним отрядом разбил лакедемонян (воинов Спарты) и освободил Грецию от господства Спарты

И нечто трудно выразимое, с неявно присутствующим ключом к разгадке, назидательница история объясняет обычными словами: *«Верь в себя и другого не проси»*.

Как апостол Петр, стань единственным из двенадцати, рискнувшему выйти из лодки обыденности и совершить невозможное – поверить и сделать несколько шагов по волнующему морю як посуху. Как Дедал, утверждай себя не силой и войной, а знаниями и талантами.

И знай, что ты сам выбираешь дело в жизни, звезду в небе. И с какой мечтой быть в друзьях, и какой кумир будет твоим бичом, распятием, молитвой.

Чтобы однажды, как легендарный кельтский король Артур, достичь своего острова Аваллона, своей мечты – непреходящей исторической идентификации блага и процветания. И эта тождественность является выражением метаисто-

рической надвременности, не имеющей «... ни начала дней, ни конца дней» (библ.).

Просто и мудро об этом, будто по лекалу истории, пишет Пушкин:

**Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей**

И напоминает поэт читателю – у тебя есть только одна самая безлюдная, тихая и безмятежная обитель, святая святых, куда ты можешь удалить свои мысли – это твоя душа. Разре-шай себе сполна такое уединение и черпай в нем новые силы, ибо все преходяще на земле, однажды и мы станем перстью.

Пушкин имеет точное представление о том, как ему хочется жить и -что ему дано: *«Кто нашел истоки, тот не следует течению ручейков»* — Вергилий. Своей поэзией он высекает в сердце читателей «искру Гефестову» -предназначение жить ярко, воплощать свои мечты -*«Я первый в мире и в садах Эдема»* (Н. Гумилев) -ведь жизнь задыхается без мечты и цели. Как утверждал Гераклит: *«Солнце не только новое каждый день, но вечно и непрерывно»*:

* * *

Пушкин – это в сущности продолжение поэтического торжества, вековых поэтических произведений от русских про-

роков Тредиаковского и Ломоносова к Державину, а от Пушкина – к Фету и Тютчеву, от Одоевского и Баратынского к Лермонтову, от Волошина, Анненкова и Батюшкова к Блоку.

Из поэзии Пушкина развились, отпочковались – просто-та и мудрость Ахматовой, лирическая дерзость Цветаевой, «стихотворный захлеб» Есенина, оттиск «выженной строки» Маяковского, «сырая горечь» Пастернака и резкость Бродского. Чьи жизнь и поэтическое горение – очевидный ответ на вопрос, что воспламеняет жажду «Жить»?

Три свечи —

Свеча Надежды, Веры и свеча Любви.

Три огня святых и грешных

Согревают изнутри».

Им и Пушкину присуще родственное и неразрывное генетическое – «лихая страсть к чернильнице с бумагой». Для них единое и неразрывное: гармония как истина, рациональное, определенность мысли, переходящая в определенность слов и текста; гармония как иррациональное, подсознательное, восприятие мира на уровне биологического, органического, то есть осязаемо, чувствительно. Точно выраженное Фетом: «В нас вопиет всесильная природа».

Все вместе — «Велению сердца следуя смело» и есть констелляция, «звездный паттерн» русского языка, которым можно исчерпать все неисчерпаемое, вместить всю безбреж-

ность Мировой судьбы:

*Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и мечей.*

Пушкин возвел высоким художественным словом из свойств земного, рационального и иррационального, «божественного» в человеке чувствительный, едва ли не тактильно осязаемый Собор Мечты, языческий Культ красоты жизни и многообразию ее выражения, если говорить языком ведической архаики.

Писал Гоголь о том, что пушкинский «*Стих густой, как смола*». Потоки чувств, переживаний и воспоминаний, вязко сцепленных и сопоставляемых друг другу, напоминают сильный напор весенних вод, прорывающих языковые барьеры, отчего «звуковые волны» наполняют душу мелодией, музыкальностью, становятся переживанием счастья, страсти; экзатического, наивысшего подъема духа и настроения, чтобы видел человек свою путеводную звезду, по сенью которой обязательно уходят печали и недуги

Он был из тех увлечённых жизнью людей, кто не проводит демаркацию между интимным стыдом и стыдом общественным, гением которого есть «*ум и сердце человекье*» (определение Г. Державина), для счастья которого не нужно скитов и церквей, суесловий и славословий; алтарь счастья – его собственный мозг и собственное сердце, а амвон счастья –

это доброта и любовь, жить с совестью в покое.»

Он шел один и «исцелял слепых» – для Пушкина это не просто лирический мем. В этом заостренном образном выражении в купажировании с кантовским моральным императивом – «*Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас*» – весь масштаб, сущность и ценность жизни, все содержание и вся форма.

* * *

Он – яркий представитель психологической лирики, как затем Тютчев, Фет, Блок, Бальмонт, Ахматова, Цветаева.

Между образами жизнелюбивых «предков», сегодняшних «друзей своих», семьи своей и собственным психологическим обликом Пушкина ощущалась принципиальное сходство, которое его будоражило и питало лирику.

Можно высказаться в таком векторе: Пушкин не иллюзионист, он не создает вымыслы, а только не мешает художественному слову прорваться из него наружу; завершить парафразом восклицания Л. Толстого (о Тютчеве), наиболее выражающее признание автором книги таланта Пушкина: «...Но зато, когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта...»:

*«Нам не дано предугадать
Как наше слово отзовется —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать».* – Тютчев.

Наши земные религии принимают мир (и следовательно, нас, живых созданий) за данность, дарованную богами и не исчезающий по их велению. Размышления о Вселенной, с которой мы связаны, всегда и вечно. А всякая мысль – это прежде всего вера, нравственная идея, результат демиургии – творчества богов, и как неисчерпаемая Гераклитова воля – «... искал самого себя», – и как страсть по Одиссею и А. Грину, поиск своего пути, своей доли и своей воли. Своей красоты внутренней и красоты внешней. При выборе жизненного Марафона непременно сверяя его с «моральным компасом» Пифагора: «Совесть да будет моим божеством»:

*К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.*

Наследник библейских Адама и Евы, одинаково верящий в Перуна и второму лицу Святой Троицы, признающий «души высокие порывы», уважение к себе и милосердие к людям самыми восхитительными творениями седого мироздания: «Создав Адама и Еву, сказал Бог: «...наполняйте землю и обладайте ею» (Бытие). И для которого земной рай (иначе – цветущий оазис души) – это «Древо Познания» и моральная квинтэссенция Христа, давшего нам право на вы-

бор, а не на грех, однажды прозвучавшее приблизительно так – *я приду подобно молнии... и сотворю ваше милосердное будущее.*

Прикоснешься осторожно к стихам Пушкина и забываются «*прелести святых*» и «*повязанных ангелов*», смягчается сердце любой дуэньи и мифические идолопоклонницы (девушки с горы Ида) молятся за тебя перед Юпитером в присутствии мудрых жрецов – это потому, что весь функционал поэзии мастера, как утренняя звезда Венера, переименованная синодическим переводом в «Денницу» («белое сияние») не в развлечении нас (как бы время скоротать?), он в другом целеполагании – помочь нам понять Жизнь. Свои цели. Свои дороги. Превозмочь судьбы немилость и времени урок заучить: в твоём монашеском житии всегда есть миг для доблести и для славы:

*Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет усладить свой путь над бездной волн*

Это значит, дойди до самых сокровенных и будоражащих ее «копий», чувств далеко минувшего и пережить их вновь в легендарном ответе князя Киевского Владимира на предложение принять веру мусульманскую: «*Кто познал сладкое, тот никогда не захочет горького!*» и мерцание свечи своей жизни усилить от наказа архонта «...всея земли Рус-

ской, ...князя на стол отчий и дедов» Владимира Мономаха:
«...поелику чтоб солнце не застало тебя в постели...»:

Поэзия — — это в особой поэтической форме мерцающий и бурлящий океан, загадочный Солярис и Южный Крест, этимологически олицетворяющие небесную стихию, атмосферу, где нет никаких пунктирных границ, красных буйков и территориальных споров, а есть только единая, эсхатологическая по своей глубине, золотоносная вера в прародину русского человека, в Отечество, в Русь, Россию, в русинов, в нас, современников, близкая по идейной направленности идеологии принципата, «*нравственного Рима*» (в определении Достоевского) и простолюдина: «*Строй выше себе пирамиду, бедный человек*», — говорит как будто полный этих ощущений Гоголь; Пушкин выражает все мерцание жизни в идее, в грани, в художественном пределе. Кладет в основание Отечества краеугольный, закладной камень веры:

***Пожарский, Минин, Гермоген, или
Спасенная Россия.***

Он берет своей густой поэзией самый насущный вопрос об устройстве мира и саму решительность найти ответ, чтобы с толком истратить дарованную личность — яркую жизнь индивидуальности; как в Древнем мире между Тигром и Ефратом его искал ветхозаветный пророк Иоиля, прознавший, «*когда Солнце и луна померкнут и звезды потеря-*

ют блеск свой» (Библ.), а в двадцатом веке, с нескрываемой двойственностью правды и лжи, гласности и угарности, озарения и ядовитости, поэт Высоцкий, первый росток искренности и откровения той эпохи: *« Я стою, как перед вечною загадкой... »*

И ответ у поэта находится в человеческой и божественной сферах, на стыке которых и вспыхнул яркий свет первой месопотамской цивилизации, когда стали любить людей, а не время в них, в ощущениях изменчивости окружающего мира, хрупкого, но стройного балансирования реального и иллюзорного, когда радость не тушится и горе не крушит, постоянного перетекания небесного в душу, кровь и капилляры землянина, на метафоричном языке А. Фета, в *«... плач сладострастный... как первого иудея, на рубеже земли обетованной»*, в колоритном звучании Л. Толстого, это как *«...небо по жилам протекает»*, в сжатой мудрости А. де Сент – Экзюпери: *«Тогда суди сам себя, – сказал король – Это самое трудное. Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр»*.

Он врывается как *«польни дурманящий запах»* со своим простым словом, воплощающим искренние мысли и чувства, яркой метафоричной образностью, притчивостью. В его поэзии красочность и живописность, соль и мед, горе и ликование. Его духовный ориентир, моральная инструкция бытия – жест молитвенный, подобием секир, точный, на-

целенный в сердце православного: *«дерзнул говорить в пользу людей, при одном имени которых бледнел оскорбленный властелин»*. (Бестужев о Грибоедове).

Он соединил разрозненные звенья метаистории. Увидел человек и понял, что мир не так уж плох. И жить надо любя и любить жизнь каждой кожицей и каждой молекулой. Да потому, что у Времени мгновение жизни короткое, как вздох:

*в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.*

Он явил себя из корпуса тех, кто стремится совершить невероятное и невозможное: *«... милый друг, какая цель? Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое?»* – вопрос, адресованный Жуковским в 1825 г. Пушкину семантически ассоциируется с предназначением его поэзии, ее высшего состояния, становятся метафорой творческого мира, метафорой души поэта и подразумевает понимание его творчества как божественного дарования, обнимающего целые области жизни во всех ее поразительных и предельных совпадениях и контрастах. У него разлив жизни по Тютчеву: *«Жизнь как океан безбрежный, // Вся в настоящем разлита»*.

Он вышел из корпуса тех, кто не хочет просто быть, просто думать и исчезнуть, как дым: *«Не из мышшиной норы,*

а с высоты птичьего полета следует смотреть» -Л. Гумилев. Кто протестует и не принимает отрицательных сценариев жизни: *«Распи его»* (крик толпы, требовавшей казни Иисуса).

Кто не хочет быть детонатором насилия и разрушения надо всем, что слабо и беззащитно, что зовется простым человеческим счастьем: *«Остерегайся раны наносить Душе, // Которая тебя хранит и любит. // Остерегайся раны наносить Тому, // Кто грубой силой не ответит»* – О. Хайям.

Иногда думаешь, возможно, Пушкин забирает твои чувства, навсегда завоевывает сердце, настолько строки стихов сливаются гармонично с твоей натурой, природой:

*Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!*

Глубинный энциклопедист истории древнего Отечества нашего, кто в поисках ключей и разгадок начал «рыться в ранних снах», буквально ветхозаветной божественной литургией, циклом духовных стихов воспеваешь мощь и красоту Руси и русской жизни, семантически венчает их («житие по воле») в фольклорно – культурном образе, лингвистическом меме *«Мой друг, отчизне посвятим // Души прекрасные порывы!»*

Во всем у Пушкина -непосредственность, искренность.

И в чистом энтузиазме – сильно сказать о нравственной Реформации даже тем, кто «...до любви не дорос// Сострадания лишен// И к сочувствию не расположен»:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;*

На этой поэтической дороге прозрения вздымаются торосами удивленная Память, растерзанная ледяными сомнениями, подлинное прошлое проливается без подмеса, чистым эфиром с небесных Чертог, предначертанные сущности Русской Цивилизации, «лучшего из миров» (в определении Вольтера) спрессовываются в один хронометр, единый локальный измеритель Сущего – Прошлое и Настоящее: «В доме отца моего много таких обителей...» (И. Христос).

И говоришь: Пушкин – это гармония жизни и восхитительных ощущений! Он берет жизнь и людей такими, какими они есть, домысливая фразу Клода Гельвеция с соблюдением логики: «Надо брать людей такими, какие они есть; раздражаться следствиями их себялюбия – значит жаловаться на весенние бури, летнюю жару, осенние дожди и зимние стужи»:

*Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,*

*Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...*

* * *

Поэтический уклад Пушкина по частоте ОСМЫСЛЕНИЯ – это уникальная в своем охвате энергетическая единица, вбирающая в себя все, что прочно живет в природе каждого («Чему веришь, то и получаешь» -лат.), воплощаясь в спасительный маяк и пьедестал для взлета духа по аналогии с извечным «правилом Прометея» – сначала прыгнуть, а крылья приделать по ходу полета, – и страстно выраженное Достоевским: «Несравненно полнее существование, которое достигается в великих произведениях духа».

Она вмещает в себе – мило, свежо, интимно – всю жизненную и новеллистическую лемуру поэта, что он в своей кладовой мыслей узнавал, видел, понимал, принимал, «*питаюсь не сидя, а в полете*» и, глядя на судьбы с высоты идей и ценностей мировидения, по- ветхозаветному замыслу отходил от зла и творил мир и любовь; не в постах и молитвах искал спасенье, а в делах и в любви, возбуждая очень основательные пламени жизни, которые выше славы и прекрасней молитвы ханжи и которые наливаются у него соком и кровью практики Достоевского: «*И что я поддельною болью считал, // То боль оказалась живая...*»:

В поэтической конструкции Пушкина царствует библей-

ский (на внутренней стороне печати Соломона -вторая надпись: «*Ничто не проходит*») и древнеримский, светский порядок, изложенный в *Метаморфозах* Овидия Назона, когда мир со дня своего творения, до рождения Христа и после, доколумбовой эпохи и послеколумбовой истории, не уходит и не исчезает, а был, есть и будет во всех своих превращениях, мыслимых и немыслимых, в сказках, былинах, заговорах, и обобщенный *Мировой Судьбой* в вечных образах, сравнениях, за которыми виден лик Истины и вопрос извечный – что заставляет Душу Бога воплощаться в людях несовершенных:

*Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,*

Мифологическая и эпическая наполняемость которой: Иерусалим и Афина – вера и знание, два ключа, открывающие любую душу; Рим и Русь – два светлячка в генетической памяти человека; Аполлон, лирой благозвучной утешающий мысль – живая связь человека и природы; Ахилл, отстающий от черепахи – образ прошлого, обгоняющего нас; деспот Террей, отрезающий язык своей жертве и превращенный богами в удода – образ наступающего возмездия; Пенфей, растерзанный во время вакханалии своей матерью, и слепой прорицатель Тиресий – образ самовластности, погибающей от надменности и потери разума; Зевс, спасающий ребенка, кото-

рого Каллисто носила в чреве – образ стыда и совести; Одиссей, привязанный жгутами к мачте корабля – предначертанность будущей смерти Христа на кресте; Ахиллес, попавший в преисподнюю от стрелы Париса, молвивший при встрече Одиссею, что лучше быть батраком у крестьянина, чем царем в царстве мертвых – подтверждение, что в оппозиции жизнь – смерть предпочтительнее быть на стороне первого элемента:

*Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;*

Это – и урна с прахом астронома Ойджена Шумейкера на Луне – через две тысячи лет после рождения Христа двенадцать человек побывали на Луне и вернулись, тринадцатый должен быть мертвым – как противоположность, как антитеза вечного живого Иисуса (*закон о том, что мысль и материя одинакова превращаются в свою противоположность в потоке времени, получил реальный аргумент: в последний день июля 1999 г. американская автоматическая станция доставила урну на спутник Земли*);

И мифический «Калинов мост», соединяющий в русских сказках мир живой и мертвый – пограничная зона, где силы добра в лице богатырей и витязей неприступно отгородились от силы нечистой, совратительной, демонически стихийной: «озлобления многого... враги благочестия» – Аввакум:

*Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,*

Среди всей мудрости, которую мы впитываем в себя от поэзии (как здесь не вспомнить краткое высказывание И. В. Гете «*Умные люди – лучшая энциклопедия*»), на всей высоте своих понятий, это прежде всего – *куканы*, связи палестины нашей: и отечество и родной дом, пантеон богов и духов русин, волхов, колдунов, шаманов, богатырей и берегиней, где «*Птица Сирин мне радостно скалится... Травит душу чудной Алконост, тоскует печалится, птица Гамаюн Надежду подаёт*» (В. Высоцкий).

Незримые паутинки Отчизны с традиционным для древнерусского сознания принципом религиозно-мистического постижения тайн мироздания и опорой на патриотические чувства, представленные в оригинальном сборнике «*Пересмеишник, или Славянские сказки*» М. Чулкова (1789). А еще – вековые деревья, аромат скошенной травы, белоснежные облака, затянутые тиной болотца и омуты, леса, поля, степи, благодатные деревенские бани и белые пушистые снега:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

В этом лирическом реестре перечислений, смысловых оттенков и интонаций живет настоящая, безупречно нравственная Вера, – *«Душа народа русского»* (Н. Некрасов). Глубинная, ритмичная, победоносная, согревающая и терпеливо несущая свой крест, далекая от жалоб и обвинений, сохранившая, что мы потеряли, морально выжгли – мысли, желания, страсти – понимающая все, что непонятно нам. Она освежает, детонирует дух, заставляет думать и понуждает *«Сеять разумное, доброе вечное»* (Н. Некрасов). И тогда: *«Спасибо вам скажет сердечное //Русский народ...»* (он же):

Глава. Он не каменел сфинксом

Будут вечно звучат строки стихов Пушкина. Похожие на сон, в котором идеал и мираж одновременно... И под солнцем, и под вьюгой, и под снежными бурунами, и когда просветлеет восток, и когда запылает запад... очаровывая, возбуждая любить больше, любить тоньше.

Но если в коктейль Жизни добавить (*ставь на время раздатчиком, барменом сладострастий*) немного колдовства – запах мечты, глоток любви, порцию счастья, – она открывает человеку свои волшебные стороны: она становятся для него сладким и дерзким, как поцелуй украдкой; вдохновенным и изысканным – как высокая поэзия; обволакивающая негой – как восточная музыка; красивой и нежной – как цвет черемухи по весне; яркой – как цвет вишневых садов, овеянных первой весенней оттепелью; романтической и волшебной – как прогулка по местам детства; мечтательной – как ранняя юность; томительной – как предчувствие перед вхождением в рай и... неопределенным, ускользающим послевкусием – как неразгаданный намек:

*«С недавних пор понятна мне природа,
Ночного бытия понятен герб.
Тоской пронзает горло небосвода
Отточенный до блеска лунный серп».*

Будет призывать охватывать окружающий мир во всей бездне падений и взлетов, не опускаться на дно Вселенского подвала, чтобы видеть жизнь лишь в темноте, не замыкаться на одной теме или одной эмоции собственной души; не каменеть сфинксом, используя один и тот же реестр слов, образов, метафор, а всегда расти, идти вперед – в новые области бытия и быта, иные предметы и вещи просвечивать неугасимым вожделением; не бояться измениться, быть готовым как Диоген жить в глиняной бочке, радоваться как Демокрит, печалиться как Демосфен, по—дантенскому грустить, проходя вместе с Вергилием «круги ада» и, как Тия (орфическое имя Таис Афинской) призвать А. Македонского предать огню дворец Ксеркса, убедив полководца, что из всех дел, совершенных Александром в Азии именно этот смелый поступок будет самым прекрасным; плакать как А. Македонский, узнав, что есть еще не открытые миры; нести евангельскую ноту смирения, неметь от «Пророка» Пушкина и возвращать бунт лермонтовского Демона; смотреть на лужу и видеть в ней отражение звезд, и «слезы девочки родной» воспринимать как свою боль: *«Все, что до тебя касается, я неравнодушна...»* (бабушка Лермонтова)

Просто нести в сердце кусочек солнца – словом, уметь соединять в своей личности то, что кажется несовместимым, невероятным, необъяснимым. Образно, быть скупцом золота, но не чахнуть над ним:

*Мы больше в этот мир не попадем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье —
Его не подстеречь уж никогда потом.
О. Хайям.*

Пушкин торопился жить. И делал это – самозабвенно, по – римски щедро, не по – по земному дивно и в стяжание духовного бытия.

И не просто жил, а с интенсивностью, которую дают только цель и мечта. Он не тратил время на полированное общение по принципу «Как все», зная, что ничего не будет решено и достигнуто. Он не хотел быть посмешищем, а тем более, что его мысль вели на убой. У него не было времени на бесконечные кумовства, лесты и ханжества света.

О не тратил душу и время на борьбу с посредственностью и вздорных людей.

Он не был там и с теми, где накачивалось «Эго». Он не терпел манипуляторов, иллюзионистов и фрондистов. Его тревожили люди без чувства стыда, которые алчно захватывают таланты, позиции и достижения способных.

Он понимал, как осталось слишком мало времени, чтобы обсуждать тщеславие и абсурд людей. Он не хотел этого, потому что его душа еще не успокоилась, она торопилась « ... исполнить свой полет».

Он общался с людьми, которые очень приятны и чело-

вечны. Пушкин: «*Мне приятны те, кто разделяет мои чувства*»

Люди, которые могут признавать вину и неправоту, улыбаться над своими ошибками и которые достигли своего благополучия сами, а не за чужой счет. Люди, которые знают свои цели, мечты призвания и разрешают себе все то, что не обижает других. Люди, признающие человеческое достоинство и уважающие его и которые всегда – только на стороне милосердия, справедливости и истины.

Его душа была – среди тех людей, которые умеют нежно прикасаться к сердцам других и любить бескорыстно. Среди тех, которые без нытья и скорби преодолевают препятствия, растут и несут веру в себя и смысл судьбы.

Да, он спешил жить, думать и делать без зависти и злобы, которые может дать только праведность. Он стараюсь не тратить зря ни одной из минут, которые ему еще оставила жизнь. Они были для него самыми блистательными, как и те, которые уже успел потратить:

*Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.*

Глава «Мировоззрение солнца»

Пушкин считал жизнь плодом мечты и гармонических настроений. «*Порой опять гармонией упьюсь*» – какое сочное, чувственное, физиологическое наслаждение: «*упьюсь*». Беспечная, юная и безграничная жажда наслаждения. Чисто русская удаль, с дерзкой прожигаемостью жизни, безусталой погоней за удовольствием. Отвергающей тот тип жизни, в котором

**Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм...,
*Евгений Онегин.***

«...в мире всех общественных и нравственных наших чувствий – Пушкин есть первый и полный представитель нашей физиономии».

Аполлон Григорьев.

Пушкин упивался гармонией жизни. Это то, ради чего и стоит жить! Это и есть *мировоззрение солнца*, когда постоянно и каждый день всходит мера страстей вольных и дозволений, что с подоплекой мудрости библейской озвучил апостол Павел: «*Все мне позволительно, но не все мне полезно*».

Он властвовал думами. Он вдохновлял нацию. И делал

это по царски: красиво, щедро и с любовью. Он говорил ей о ценностях, убеждениях и жизни, которой она хотела жить, поднимая ее интеллект и душу на высоты славы отечества.

Простой, ясный, доходчивый язык поэзии и прозы, соединенный с повышенной выразительностью и образностью, – вот такой он, пластичный и рельефный, пушкинский язык. Он, как исповедь народа, захватывает, побуждает вслушиваться, читать, переживать, осмысливать – *слова здесь, как золотые ключи апостола Петра, правильно подобранные, открывающие любую душу...*

Этот язык – он такой родной, такой русский, мудрый, дерзкий и осторожный, с той самобытной стройностью, и смысловой ясностью, и выразительной патриотической ноткой, которая исподволь наполняет русского человека чувством гордости за свою родину, свою нацию.

Как чародей, Пушкин владел таким могучим языком, умел мыслить очаровательными образами и воплощать свои переживания в русском слове, да с такой насыщенностью, будто опрокидывается пьянящий ковш «правды сущей», которой издревле отличалось и славилось русское слово.

Его язык прививал вкус к родному языку и любовь к Родине. Он очень светлый и по – настоящему добрый. И потому вызывал только светлые ощущения, чувство, полностью внятное сердцу.

Пушкин всей безудержной мощью таланта и воли носил

в себе мироощущение солнца – светлый луч с Позитивным началом, присущим миру. Луч света с душой человеческой. Считал, что *жить – это самое главное для человека, и тогда все, что укрепляет корни жизни – свято, благословенно.*

«*Быть без слез, без жизни, без любви*» — не для него. Жизнь очищенная от слепых низменных чувств, бьющая огненным фонтаном – это его полнота Бытия, полнота Напряжения, полнота Наслаждения

Жизнь для него не была готовым к употреблению продуктом. Ее порождали его действия. Он понимал и создавал ясную картину миру, возможность для русского человека прикоснуться к знаниям, которые становились мировоззрением целого народа, всей Руси:

«Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит;...»

«Русалка» – два корня, два слога: *рус* – Русь, *алка* – Мудрая (по стар. – слав.). Русь для него – страна сказочная, мудрая. Она всегда живет у него на «высотах создания». И весь народ и вся нация – именно так. На меньше он не соглашался. Немного – это так оказалось много!

Глава. Он создал век

Пушкин был сам век. И подчас – больше века, опережал свой век и свой класс, иначе в двадцать пять лет не появились бы «Борис Годунов» и «Клеопатра», в тридцать – «Скупой рыцарь», а за два года до гибели – «Египетские ночи».

И, как следствие ушел из жизни Первый Поэт России не понятый, даже после того, как Николай I, император России дал ему самую высокую оценку – *умнейший муж России*. Уже тогда навязывался стереотип Пушкина-человека, интересы которого только плотские – вино, карты, женщины и сочиняющего занятные вирши от скуки и уныния, из – за мелкого тщеславия прослыть оригинальным. Но это слишком уничижительный, «планктонный» образ Первого Мелькартового столпа (второй – Лермонтов) русского поэтического космоса.

Пушкин – это иное, это прежде всего в своем основном качестве предиктора, предсказателя общего хода вещей и явлений, мыслителя и философа, достигшего совершенства в искусстве владения словом, в умении доносить до мира (общества) сложнейшие вещи мировоззренческого характера по очень простому историческому принципу: *«Каждая моя мысль прибавляет меня, ибо я един во всем человеческом»*.

В какой-то мере этим принципом пользовались и до сих

пор пользуются многие в словесности, поскольку он всегда символичен, обобщающе широкий, но именно Пушкин достиг в нем совершенства, воздвиг себе «памятник нерукотворный», потому что словом «жег сердца людей».

Пушкин в разные периоды по – разному представлял себе образ поэта, по – разному понимал его назначение. Он нередко высказывал диаметрально противоположные точки зрения.

В одном месте Пушкин заявляет: *«И, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей»*. В данном случае он отождествлял поэта с пророком, оратором, требовал, чтобы тот шел к народу, воспитывал людей.

В следующий раз – утверждение противоположное. Пушкин требует, чтобы поэт удалился от людей *«на берега пустынных волн»*, *«Ты царь: живи один»*. Поэт говорит толпе: *«Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас!»*.

В другом суждении – поэт нелюдим: *«Непонимаемый никем... Проходишь ты, уныл и нем. С толпой не делишь ты ни гнева, ни нужд, ни хохота, ни рева, ни удивленья, ни труда»*.

А в этих размышлениях – поэт для него уже сам человек толпы. Поэт как *«гуляка праздный»*, как легкомысленный *«ленивец»*. Для него истинный поэт – это тот, кто смеется *«забаве площадной и вольности лубочной сцены»*.

Повесть «Выстрел» (как предчувствие пули Дантеса), в которой страшный призрак Сильвио с его мрачной сосредоточенностью в одной мстительной мысли. Словно Пушкин

знал о каком – то тайном законе, по которому все недолговечно, все, что несет высшие стремления и многообъемлющий идеал.

Русский Ахиллес, побеждающий Боагрия, дикую силу невежества. Он не гряз в суете, рутине и покое. Он всегда делал первый шаг к тому, чтобы быть в настоящем. Он жил в этом настоящем, как ребенок, ничего не пропуская и делая самое важное для себя, людей: *«Доколе я в миру, я свет этого мира»*.

Глава. « Победитель или жертва!?!»

Печать исторической эпохи лежит на всех трудах Пушкина: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждению и беспощадная страсть к творчеству; порой она сводила на нет все личные желания...

«Многоплановый» Пушкин – без апологии, но и без обвинительного акта. Победитель – со своим списком побед и – Жертв со своим мартирологом, списком поражений и страданий.

Слова Победителя:

*«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».*

Слова Жертвы:

*«Молва, быть может, не совсем права,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так разврата
Я долго был покорный ученик».*

Если выйти за предела магического круга, созданного очаровательными произведениями поэта, то видятся два

Пушкина. Пушкин – поэт и Пушкин – человек. И эти два Пушкина – не всегда составляли одно и то же лицо: человек и поэт в Пушкине – это две большие разницы. Нельзя смотреть на творчество Пушкина как непосредственную автобиографию.

Первым, кто вычеканил двойственный взгляд на Пушкина, оказался Гоголь: *«Поэзия была для него святыней, точно какой – то храм. Не входил он неопрятный и неприбранный, ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из своей жизни. А между тем все там – история его самого»*. Гоголь подчеркивает, что само творчество не отражает духовную жизнь Пушкина.

Современники, друзья и родные поэта, а также его недруги – злопыхатели, были едины в следующей характеристике личности Пушкина: в жизни легкомысленный, циничный, суетный и раздражительный, до безумия захваченный страстью, безмерно наделенный состоянием дружбы, чести и гордости; в поэзии же – божественный, мудрый и сердечный, и как ребенок, искренний и чистый. Совершенно противоположные явления, протекающие энергично и постоянно в его собственной натуре, вместившей не только мир русского, но и человечества русского.

В жизни он был разным, «двуплановым» – и предающим и отрекающимся, и любящим, и верным, а музе своей служил всегда с чувственным благородством; всю свою короткую мятежную жизнь стоял перед Ней в почетном карауле

и выплатил сполна дань всем великим явлениям, образам и мыслям, всему тому, что тогда чувствовала и вынашивала в себе Россия. Никогда уже так свежо и целомудренно страстно не произнесется и горячо не объяснится...

Пушкин – это не благоговейный трепет, а не смущающаяся смелость, всегда искренняя и благородная. Заклинатель и властитель многообразных жизненных стихий. В нем отразилась и высказалась вся наша духовная жизнь, и, как великий муж, был не рабом и данником, а указателем и поучителем моральной и патриотической русской вехи, ее ментальным конденсатом:

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

Поэтические суждения Пушкина о таинствах поэзии, болезнью рифмой, являют собой приличный пример духовных поисков. Свои стихи он уподоблял «полету орла», единственной птице, летящей к солнцу и не слепнувшей. Отправлял поэт молодого орла, «вскормленного в неволе» в поиски истины, смысла бытия:

*Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.*

Но чувствовал держатель лиры лукавой мир иначе, отражал и перевоплощал своими, несхожими с людскими, поэтическими мыслями, поскольку душа поэта, всмотревшись в мглы бушующего потока, вдруг прикосалась к тихим Откровениям свободы Истинной и обычный человек «чувствовал ее глоток»:

*...взглядом и криком своим
и вымолвить хочет: «Давай улетим».
Мы вольные птицы: пора брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где сияют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!*

Умение и желание рифмовать и мыслить образами – была самая интересная и увлекательная игра в жизни Пушкина. Его поэтический дух. Он перед ним, как часовой, на посту перед культовым явлением. Умение видеть красоту, восхищаться ею, передать ее из мира своего в мир людей, писать и говорить личным продуктом – умом, это как раз присутствие личной готовности быть царем поэтических троп,

переходить от явного сравнения, через эпитет к метафоре, сравнению скрытому, подсознательному.

Это все взятое и есть поэт Александр Сергеевич Пушкин, гипербореец, нашедший волшебный рог Оберона- свое внутреннее солнце, внутрений свет, сотворивший Свой Отличительный Масштабный Проект под названием **«Солнце русской поэзии!»**

Отсюда, масштаб собственного творческого накала, жаждущего самовыраженья. Внутреннее озарение, самовозгорание, уподобляемое символическому «ангелу рафаэльскому».

Для Пушкина поэзия – род красоты нетленной, Зевсовой религии стыда и совести, мощных оберегов души человека от порчи, скверны, всех недугов и пороков общества. Поэтика, время и пространство вороша, вызывает и чувственные перенагрузки, рвя жилы и нервы, и спасает от боли души, скуки и депрессии, и ведет дорогой познания, и вытаскивает из водопада экзистенциальных дрязг, рефлексий, неверия – этих вечных капканов «бездонной бездны». От поэтического внутреннего взора Пушкина не ускользала никогда та «красота неземная», которую зрячие не видят, «неземная вера» в божественную проистекаемость вещей и их порядка.

От его блистательных поэтических стрóf сильно веяло запахом русской землей и они несли непередаваемый аромат русского слова. Каждый читатель неизменно, внимая звуку струн его, подпадал под влияние основательного пушкинского слова, «сладкого ослепления. Свободы сеятеля пу-

СТЫННОЙ»:

*...Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...*

Современник Пушкина (лишь на четыре года моложе его) Проспер Мериме) благоволил перед фигурой русского поэта, признавая его корифеем мировой литературы, ставя в один ряд Пушкина и Байрона:

«Пушкин и Байрон – оба ушли из жизни в расцвета лет и таланта, но уже испытав все радости, которые может дать литературная слава. Как тот, так и другой, оказали огромное влияние на развитие литературы своей родины... беспорная слава обоих теперь всеми признана...»

Глава «Ты прав, мой друг, – напрасно я прозрел»

Радикальный лейтмотив воззрений Пушкина, ажурное переплетение и дуалистическое прочтение – выражение «*Ты прав, мой друг, – напрасно я прозрел*». Парафраз, словесная инверсия стихотворения Гейне:

*Я не верю ни в Бога, ни в Черта,
Ни Новый, Ни Ветхий Завет.*

Гротеск, мощная аллегория парадокса, но с бездонным символическим наполнением: поэт не верить в мнимую святость, льстивое ханжество, он там, где антропофил, человек возводит свой «Храм Соломонов» не в болотцах и дебрях, а на чистоте помыслов, в юдоли земной шеи не гнет, не раболебствует, на затворе держит амбары души от вожделений «демонического зла» и жизнь не превращает в «мышиную беготню». Это так органично с душой и сердцем поэта, его собственной сутью. В этом – главный смысл и основная задача творческого горения Пушкина, его внутренней капсулой вулканических поэтических даров.

Пушкину всегда был интересен Человек, духовная сущность в видимом телесном саркофаге, его внутренний мир, его переживания – как незримая Истина века, сверкающая

точка в темном мире Вселенной. Конъюнктурный и конкурентный феномен действительности, поставленный волей Творца в центр мироздания, космоса.

Тема Любви к человеку у Пушкина вне конкуренции, вне низких стилистических заквасок. Вера в светлое предназначение человека – концептуальный Светильник в творчестве поэта, его Катехезис, Авангард позитивного мышления. Поэт вел землянина из мира дольного, бесприютной обители души тревожной, в мир горний, «божественно чистый»

Труд у поэта Пушкина – не избитость, не недомогание души тоскливой, а мужицкий, по-настоящему труд чернорабочего, бурлацкий- напряженный, кропотливый и неустанный. Отдыхом праздным для поэта были лишь в образном представлении автора «метанья снов ночных».

Творческим детонатором для Пушкина в труде поэтическом являлось предвосхищение, что в душах людей прорастет семя брошенного им зернистого слова обильным цветением живого первоизданного чувства – жить со всем жаром солнца: *«Невозможно обозреть всех его (Пушкина) созданий и определить характер каждого: это значило бы перечесть и описать все деревья и цветы Арמידина сад»* – (В. Г. Белинский, Литературные мечтания).

*«...Только прикоснусь к его строке —
И потонут все ночные тени
В этой вечно утренней реке...
И свечой горя в тумане тусклом,*

*Пробиваясь ландышем в пыли,
Каждой жилкой биться вместе с пульсом,
Русским пульсом Матери – Земли».*

Переставляя своих богов, слова и образы, по усмотрению недремлющего поэтического внутреннего взора, вверив себя чуткой подсознательной душевности, Пушкин воспроизводит вовне фонтан чудодейственных строк, коктейль великолепных речевых оборотов, называемых автором данных строк с очаровательной иронией» мое эгоистическое милое сумасшедствие» :

*Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Вспоминаньем упоенный...*

Образ обобщённый, многозначный. Сильный. Колоритный.

Мотив неумиряющего Человека – из древнего пришедший «В тебе есть все... В тебе – извечные пути». А впоследствии с пушкинским моральным корпусом соотнесла свой «Реквием» Ахматова: «Опять поминальный приблизился час, /Я вижу, я слышу, я чувствую вас...».

Трагизм судьбы человеческой переходит у Поэта границу тления, чтобы вернуться живым финалом, пушкинским Истинным нектаром, что присутствие Смерти дарит присут-

ствие жизни. И История мученичества, ветхой Старухи у пепелища человека, облагороженная величием строк Пушкина, симптоматически переходит в историю подъема человеческой жизни:

*Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навеки, Эллеферия!*

(Слово «эллеферия» греческое, в переводе на русский означает «свобода» – авт.)

Мировоззренческая установка Пушкина проста и не затейлива: кто не верит в себя, тот останавливается на подступах к раю: «Жизнь есть лишь то, что ты думаешь о ней» (император Рима и философ по совместительству М. Аврелий). У поэта своя судьба, своя доля и своя мечта – смотреть на мир глазами счастливых людей, потому что у них соблазны и вожделения не подавляют увлеченность, страстность и развитие и во всякой неудаче они видят новый опыт, новую мораль, новое поученье: «Величайшая слава не в том, чтобы никогда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться всякий раз, когда падаешь».

Творит огненно и остро, живет азартно, проявлением эмоций, настроений – не цепенеет, внося в мир свои неповторимые пушкинские стили – воспевание незримой связи звезд, пространства и человека:

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

Да таким проникновенным и чувствительным словом, когда хочется ему душу отворит, чтобы растворилась печаль, вернулась ласточкой молниевидной изъятая из жизни весна и почувствовать как светла жизнь и так красива, будто на белый снег упали янтарные грозди рябины.

Словно вкушаешь молодильные яблоки Гесперидова сада и ощущаешь, что опрокидывается на тебя полный ковш живой воды, берущей начало в новозаветных преданиях. А память вытаскивает из своих дальних сусеков высказываник Ф. Ларошфуко, точно выражающих суть описываемого состояния:

«Ветер задувает свечу, но раздувает костер».

Высвечивая мифопоэтическую изнанку обыденного мира, изгоняя из него буквализм – это искусственное гетто- Пушкин увязывает надежду человека не с филологически трепетными изысканиями, а с хирургическим вмешательством, когда анатомическим ножом вскрывается боль, слепящая свет, и с гальваническим прорывом в потаенные уголки души:

*Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

В авторском исмыслении, поэт поднимает на высоты за-
предельные мысль следующего исторического чертежа:

*«...каков дух времени и каковы люди стали. На крапиве
не родится виноград, из лжи не выведешь правду; из сме-
шения лени, равнодушия, невежества с безумием и развра-
том не возникает сам собою порядок. Что мы посеяли, то
и должны пожинать. Всем неравнодушным к правде людям
очень темно и тяжело, ибо, сравнивая настоящее с про-
житым, давно прошедшим, видим, что живем в каком-то
ином мире, где все точно идет вспять к первобытному хао-
су, и мы посреди всего этого брожения чувствуем себя бес-
сильными».*

В стихах Пушкина переплелись мотивы античных мифов
и ветхозаветные сюжеты, в них звучат легенды Средневеко-
вья, пульсируют идеи эпохи Возрождения и мысли античных
философов:

*Адриатические волны,
О Брента!...услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона:
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной...*

Язык Петрарки и любви...

Пушкин отыскивает в этом историческом безмерном океане те житейские вещи, ту силу светлого смирения, которого праведники ищут в вере. Он создает и делает это триумфально, ярко, захватывая капитально всецелье Добра, пришедшее из древнего, далекого: «...домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». Еще древние подметили, что порою полезно принадлежать другим, дабы другие принадлежали тебе. Некая старуха – провидчица, согласно легенде, сказала римскому императору Адриану: «...иногда складывай с себя сан».

Яркая образность и лаконичность изложения, приближение художественного мира подчас к языку и обычаям того времени, придавали стилю Пушкина привкус вечного – живая античность, сочная мифологическая и библейская колоритность смотрят на нас первозданной свежестью:

*Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.*

Глава «Моральная инструкция бытия»

Поэзия Пушкина тяготеет к метафорической образности и притчевости, красочности и живописности, самоироничности. В его поэзии – соль и мед, горе и ликование, он радуется, на взгляд автора, что может простить, смеяться беде в лицо, упасть в нелегком бою и смело встать. Его духовный ориентир, моральная инструкция бытия – жест молитвенный, подобием секир, точный нацеленный в сердце и ум православные. У него Ум играет свой шедевр на судьбах человеческих, недаром Пушкин называет его «бессмертным солнцем человека»

Графически литой и зрительно четкий образ этот хорошо подчеркивает сакральную самость поэтического дара Пушкина в его поэтической аллегории. Образ цветистый, живописный, четкий. Какой матерый кусок нашего существования отколот – содрогание по телу проходит, словно апокалипсические молнии пронзили, будто «небо по жилам протекло».

Жесткая конструкция мыслительных процессов, ее предельная консервативная форма, выстроенная на иерархизации, подчинении принципам и правилам, для Пушкина универсальный социум, где можно быть одновременно глубоко

лиричным и философичным, и пребывать в неге фольклорной стилизации, и в романтических мечтаниях. Своей поэтической строчкой Пушкин легко передает аромат любой эпохи, любой вещи. Как бы подтверждая, что его таланту под силу всякая стихия – одушевленная и застывшая, живая и камнем-валуном придавленная:

*Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей...*

Здесь ему помогает обостренное чутье новизны, способность в хорошо знакомом видеть необычайное и неиссякаемый кладезь феерического воображения, исполинской фантазии, что помогает ему выгонять сор из неприхотливой жизненной избы, превращать его в жемчуг с блистательным перламутром. Здесь ему подвластен тот особый талант, и состояние души, и нечасто встречающаяся способность взрослого человека быть ребенком со скатившейся с глаз «милой слезинкой». Мечтает, «...могучей страстью очарованный»:

*Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря.
Когда же начну я вольный бег?*

Пейзажи Пушкина наполнены сочными образами, крас-

ками, запахами, звуками. Он умеет видеть, слышать, осязать природу в тончайших оттенках ее бытия. Поэту хватает нескольких образных запоминающихся мазков, чтобы нарисовать выразительную картину природы:

*Полезен русскому здоровью
Наш укрепителный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.*

Немалое место в творчестве Пушкина занимают поэтические размышления о явлениях высоких и вечных – Боге, вере, душе, противостоянии Добра и Зла, сущности и смысле бытия, добродетели и греховности, о существовании за гранью бренного мира... Многие из таких стихотворений несут на себе печать его самобытности и дарования. Это происходит потому, что он вынашивает и растит их в себе, как моллюск жемчуг: «своих границ не ведает поэт». Неожиданные, пронзительные своей парадоксальностью выражения, обволакивающие его стихи в воздушный искрометный мираж, ошпаривающие демонической кипящей лавой, исторгнутой с Небес до самых отдаленных углов земной ойкумены.

Стихи Пушкина отличает невероятная внутренняя энергия. Они взрывные. Они рождаются на пределе. Сама же он – натура горячо страстная, пылкая, чувственная, эмоциональная, темпераментная, полная душевного огня. И многоликий:

*...Волшебный край! очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приятная краса,
И струй и тополей прохлада...*

Устами поэта жарко и страстно говорит сама жизненная суть, древняя и непобедимая, непостижимая и загадочная. Глаголит о первозданном и вечном, но уже в новом аккаунте, в планетарном социуме, на новом эволюционном подъеме человеческой души:

*Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!*

Поэт всецело держатель гармонии формы и содержания. Благодаря чему и достигает выразительного художественного эффекта «очарования пластикой душевных переживаний» – как бы растворение многовековых иллюзий в пламени вечности, в тишине всепоглощающего одиночества.

Автор позволил себе набросать легкие инвекции относительно пушкинской «лиры вдумчивой: Он – «честно льстит// ласково манит//растит и лепит в себе Бога и дьявола// потаенно плачет о венке лавровом// хочет тихо сесть у вечерней

речки рядом с костром// и не дергаться в своей амбициозной иллюзии».

И, главное для его душевной устойчивости и эстетической самодостаточности – «я хотел бы, чтоб осозналось и ушло все ложное». Таким способом поэтической рифмовки, глагольным моноримом, поэт усиливает и подчеркивает проходящую духовную нить, связывающую все стихи-

*Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души своей
Бессмертие своих творений.*

Родина милая, отечество, рождение и смерть, высокое и вечное, любовь и непреходящие человеческие ценности, свет – как друг человека и богов, звездный интерьер ночной атмосферы, полное бытие природы... – для поэзии Пушкина вопросы стержневые, архаичные и традиционные, как собственные русской лирике в целом:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.*

В их окружении поэт чувствует себя комфортно и уверенно, пропитывая этот громадный пласт русской словесно-

сти великолепным вальсированием редкой индивидуальности мыслей, слов, мифологем – по образному выражению автора, в чертогах памяти поэта они демонами живут, образами своими населяют:

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.*

Своим поэтическим и философским даром, смесью речевых смыслов Пушкин, словно Вергилий в «Божественной комедии» Данте дает каждому из нас общий сценарий, ставший архетипом здравого смысла человечества: наша судьба – это неведомая страна, и каждый из нас плывет туда на своем корабле, и каждый из нас кормчий на этом корабле и ведет корабль своим собственным путем.

И слышится нам предупреждающий окрик поэтического сокола (в речитате автора): «...выбивайтесь из общего табуна, покидайте общие овины и стойла, вы не овцы, которых ведут на убой... в каждом есть солнце, зажгите его».

Мы очарованы эпикурейской мощью Александра Пушкина, мы поддаемся его апокалипсическим убеждениям и словесной инквизиции, проводящей полную инвентаризацию всех наших внутренних темных подвалов; мы начинаем размышлять, открывать неношенные возможности творить и воплощать свои мечты, на многие привычные вещи изме-

нять угол зрения и точку отсчета и просто жить в Прощении, назначив жизни собственную цену и создавая собственные ценности: «Если не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай»:

*«Полет души... Он вечен и высок.
Полет души... Он невесом и светел»*

Пушкин ведет нас дорогой, о которой чуть позже скажет мудрец и пророк Толстой: *«Чтобы жить... надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».*

Вне своей монументальной поэзии и помимо могущественного таланта, приводящих в восхищение одних и вызывающих ненависть других, граничащую с умственной патологией, безумием, Пушкин имеет земную судьбу и земную участь.

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

И возникает неподвластное читателю состояние, что рос поэт как ландыш, в лугах и рощах свободных под шелковый шелест музыкального и романтического весеннего вет-

ра, лунный свет, сгущаясь, вместо росы падал на траву и листья. Теплое, нежное и ласковое, как волосы невинной девушки, в душе поэта вызревала поэтическая поляна, вся в цвете и солнце:

*Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?*

Он строил самую высокую башню на земле. Литературную Вселенную. Поднимался к ней по лестнице, по ступенькам веры, как библейский пророк, и ступенькам разума, как афинский мыслитель. И всегда оставлял ту ступеньку, на которой стоял, чтобы идти дальше, выше. Это было источником его счастья и наслаждения. В то время, тот миг, тот момент. А большего он и не хотел, потому что нес в себе это древнее правило мира: «Куда бы ты ни шел, иди со своей душой».

Это о нем, литературной Вселенной, было сказано в те далекие библейские времена: «Когда Творец задумал сотворить человека, ангелы разделились на несколько групп: одни говорили Ему: «Не твори», а другие говорили: «Сотвори».

Милосердие сказало – создавай, потому что он творит милосердие.

Истина сказала – не создавай, потому что весь он – ложь.

Правда сказала – создавай, потому что он вершит справедливость.

Мир сказал – не создавай, потому что он – сплошные раздоры.

Для него, Пушкина, прежде всего, существовал человек – живой, антропофил, конкретная явь сущего и – земля, на которой он работает.

Печать исторической эпохи лежит на всех трудах Пушкина: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждению и беспощадная страсть к творчеству; порой она сводила на нет все личные желания...

Глава «Соберитесь иногда читать мой свиток верный...»

Работа над поэмой «Руслан и Людмила» начата в 1817 году. Опубликование её в 1820 году приобрело характер демонстративного выступления; её «земная» антиклерикальная основа, полемические выпады против эпигонов классицизма и религиозно – мистических сторон поэзии В. А. Жуковского встретили восторженное одобрение передового поколения и вызвали резкие выступления консервативной критики. С «Руслана и Людмилы» началось преобразование русской литературы стремлением раскрыть *«особенную физиономию»* народа, *«...которая более или менее отражается в зеркале поэзии»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.